

УДК 32.019.51

ЧЕРТКОВ А.С., к.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России
г. Москва

МЕТАМОРФОЗЫ ДВОРЯНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДИПЛОМАТОВ-ЛИТЕРАТОРОВ

Судьба интеллектуала XIX в., особенно первой половины столетия — «золотого века» русской культуры в литературе, музыке, театре — это прежде всего трагическая история героя-одиночки, узревшего сквозь успехи русской армии, присоединившей Закавказье, изгнавшей Наполеона, тревожные тенденции деформации в общественном развитии Российской империи. «Третьим звонком» в ней стало восстание декабристов на Сенатской площади в Петербурге, ввергшее интеллектуальную элиту того времени в сомнамбулическое состояние, сопровождаемое замедлением и дезорганизацией, набравших темп и силу преобразовательных процессов в среде дворянской элиты. Имеется и другая точка зрения на значение декабристского восстания, изложенная в монографии «Интеллектуалы и власть в конфликтах переломных эпох»: «"Декабристская история" явилась очевидным триггером долгосрочного процесса формирования официальной публичной сферы в российском интеллектуальном и политическом пространстве» [4, с. 61]. В монографии «предпринимается попытка выявить ... символические средства оспаривания прежней и конструирования новой социальной действительности» [3, с. 19].

С «декабристской историей» оказались связанными судьбы многих известных в интеллектуальных, светских кругах обеих столиц поэтов-дипломатов, молодых дворян из окружения А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, В. К. Кюхельбекера и многих других известных фамилий. Сами декабристы считали «Горе от ума» А. С. Грибоедова чуть ли не гимном движения. За близость и знакомство с некоторыми руководителями общества сам дипломат был подвергнут аресту и заключен под стражу для проведения следственных мероприятий.

Даже последующие реформы управления, финансовой системы в государстве не привели к сколько бы то ни было явной смене этой парадигмы — смятение чувств и умонастроений, колеблющихся между выбором службы государю и вольнодумством, стремлением преобразовать общественное устройство на более цивилизованный манер. Последующая Крымская война 1853–1856 гг., а по сути «Большая Игра» европейских держав против усиления России, подорвала ее международный авторитет, лишила права на Черноморский флот, привела к дипломатической изоляции, послужив началом для реформ, в том числе отмены крепостного права.

В эпицентре описанных событий уверенно выкристаллизовывались фигуры дворянина-воина-патриота, дворянина-чиновника и дворянина-дипломата-литератора. Первых – потому как служба государю по-прежнему была в чести и почете, вторых – исполнителей воли своих семей, сторонников поступательно развивающейся карьеры, а третьих – дани культурному «взрыву», тяготению к изящным искусствам, театру, поэзии, просвещению в целом, а также возросшему после наполеоновских походов желанию больше и лучше узнать европейские страны, броситься в суровые объятия таинственного и всегда притягательного Востока.

Когда Н. В. Полякова, исследуя интеллектуальное наследие известного историка и социального мыслителя Раймона Арона в политическом и культурном контексте Франции XX в., пишет, что тот «всегда пытался найти некий баланс в социальном позиционировании современного европейского интеллектуала – между позицией неравнодушного очевидца и аналитика-наблюдателя, между стремлением к истине и выбором своего места в общественных реалиях», «выстраивал свою профессиональную и жизненную стратегию, балансируя на грани истины и социального долга» [5, с. 51], то считаем, что эти принципы свойственны интеллектуальной элите во все времена. Не исключением в этой связи стало и русское дворянство XIX в.

Серьезность общественно-политической ситуации, в которой оказалась до и после Крымской войны Россия, ускоренными темпами «возвращала» интеллектуально-дворянскую поросль, сознательно и бессознательно персонифицированно принимавшую для себя внешнеполитические и внутрисоциальные вызовы, стоящие перед государством. Как это заведено и естественно, дворянская среда в России тех лет была разнородна, часть ее – европоцентрична, другая – эгоистична и порочна. Однако находившиеся не на самом верху российской элиты молодые дворяне, особенно отпрыски беднеющих фамилий, охотно включались в силу романтизма — и не только в «Большую Игру», сулящую им служебной карьеры, но и в утоление жажды творчества, путешествий, впечатлений, наград и почестей.

Начиная с Д. И. Фонвизина, целая когорта литераторов в разные годы поступила на службу в Коллегию иностранных дел Российской империи, среди них – князь Д. И. Долгоруков, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, В. К. Кюхельбекер, К. Н. Батюшков, Д. В. Веневитинов, Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой, Н. П. Огарев и другие. В современной литературе их принято называть «поэты-дипломаты», хотя многие из будущих классиков русской литературы того периода занимались сочинительством в разных жанрах. Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Д. И. Долгоруков, Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой достигли значимых постов в служебной иерархии дипломатического ведомства. А. С. Грибоедов и Д. И. Долгоруков назначались полномочными министрами-посланниками Российской империи в Персии. Какую персону ни возьмешь – каждый представлял из себя цвет русской

нации, а вместе они составляли настоящую интеллектуальную элиту российского дворянства.

Часть дипломатов в 20-е гг. XIX в. успели послужить лишь в архиве Коллегии иностранных дел Российской империи, но оттого их работа при дипломатическом ведомстве не была менее значимой. По меткому определению С. А. Соболевского, то были «архивны юноши»; среди них — поэт-романтик Д. В. Веневитинов, литераторы С. П. Шевырев, В. Ф. Одоевский, братья И. В. и П. В. Киреевские и другие. Данное определение архивистам известно по строкам из романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, применившего его в ироническом контексте (глава 7, строфа 49) [6, с. 160]. Да и сам А.С. Пушкин работал в этом архиве, собирая материалы для своих произведений.

В 1817 г. на службу в Коллегию иностранных дел независимо друг от друга поступают литераторы А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин и В. К. Кюхельбекер. Все они подписывают документ о неразглашении служебных тайн и приводятся к присяге государю. В определении Государственной Коллегии иностранных дел от 9 июня 1817 г. записано, что А.С. Грибоедову оставили имевшийся у него 12-й класс в табели о рангах и приняли «в сию Коллегию Губернским Секретарем с приведением на верность службы к присяге и с старшинством в сем чине со дня вступления его в военную службу» [1]. А.С. Пушкин при зачислении в Коллегию иностранных дел имел 10-й классный чин. Высокий 9-й классный чин титулярного советника по окончании Царскосельского Лицея был присвоен будущему другу А. С. Грибоедова по службе при штабе генерала Ермолова на Кавказе (конец 1821 г. – до мая 1822 г.) и будущему активному участнику восстания декабристов 14 (26) декабря 1825 г. В.К. Кюхельбекеру. Он по окончании лицея был удостоен серебряной медали.

Высокий классный чин В. К. Кюхельбекера, приведенного, как и его друзья по литературе, к присяге царю, не стал препятствием нарушить данную клятву. В ходе восстания декабристов на Сенатской площади 1825 г. В. К. Кюхельбекер попытался стрелять в великого князя Михаила Павловича, за что был приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой. Порывистый в делах А. С. Пушкин дважды увольнялся с государственной дипломатической службы; в последний, третий раз он был принят в министерство по настоянию императора Николая I.

А.С. Грибоедов, в отличие от более удачливых коллег призыва 1817 г. на службу в Коллегию иностранных дел А. С. Пушкина и В. К. Кюхельбекера, наоборот, полностью посвятил себя дипломатической работе в Персии. Эволюция мировоззрения А.С. Грибоедов – ярчайший образец духовного взросления, когда из молодого дворянина – гуляки, гусара, повесы, — он превращается в истинного мужа – защитника своего Отечества. Неспроста уже в первой его персидской миссии вырывается следующее восклицание: «Голову мою положу за несчастных соотечественников». Случилось это 24 августа 1819 г., когда секретарь «бродячей миссии» А.С. Грибоедов заносит в свой дневник

следующую, весьма отрывистую запись: «Подмётные письма. Голову мою положу за несчастных соотечественников. Моё положение. Два пути, куда бог поведёт... Верещагин и шах-з�다 Ширазский. Поутру тысячу туман чрезвычайной подати... Забит до смерти, 4-м человекам руки переломали, 60 захватили. Резаные уши и батоги при мне» [2, с. 422].

Отличительной чертой дипломатической элиты этого дворянского круга являлось вовлеченность каждого из них в судьбу собрата по литературной жизни. Так случилось с А.С. Грибоедовым и А.С. Пушкиным, наблюдавшими за творческими успехами друг друга, а также во многом разделявшими общественные взгляды друг друга на переустройство государства.

Неспроста А.С. Пушкин в травелоге «Путешествие в Арзrum во время похода 1829 года» так описал предчувствия, мучавшие А.С. Грибоедова, перед последней поездкой в Персию: «Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге пред отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: «Vous ne connaissez pas ces gens là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux» (Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей (франц.)). Он полагал, что причиною кровопролития будет смерть шаха и междуусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображеный труп его, бывший три дня игралищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею» [7, с. 460-461].

Дипломатических успехов и карьерного взлета на государственной службе добились дипломаты-литераторы князь Д. И. Долгоруков, А. С. Грибоедов, К. Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой и др. Карьера в дипломатическом ведомстве К. Н. Батюшкова, Д. В. Веневитинова, Н. П. Огарева не заладилась, но, несомненно, она наложила свой отпечаток на биографию, сказалась на творчестве и нравственном, идейном взрослении молодых дворян.

Список литературы:

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Административные дела, I–12, 1817 г. Д. 3. Л. 281–281 об.
2. А.С. Грибоедов. Сочинения. Москва: Государственное издательство художественной литературы. 1953. 772 с.
3. Дмитриев Т. А. Интеллектуалы в поисках спасения: идеологические виртуозы XX века в историко-социологической перспективе // Социология власти, 2022. № 34 (2). С. 19-43.
4. Интеллектуалы и власть в конфликтах переломных эпох (коллективная монография) / под общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2023. – 336 с.

5. Полякова Н. В. Раймон Арон: интеллектуал в политике и политика интеллектуала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 3. С. 45–53.
6. Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 – 1959. Т. 6. Евгений Онегин. 1937. С. 1 – 205.
7. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. 1948. С. 441—490.